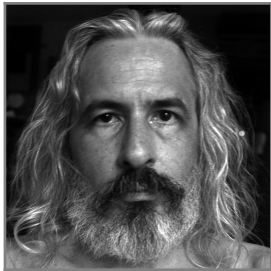

ЗНАНИЕ И УДАЧА*

**Черняк Алексей
Зиновьевич** – кандидат
философских наук, доцент.
Российский университет
дружбы народов.
Российская Федерация,
117198, г. Москва,
ул. Миклухо-Маклая, д. 6;
e-mail: abishot2100@yandex.ru

В современной эпистемологии распространено убеждение, что знание фактов не совместимо с определенными видами удачи – прежде всего с так называемой веритической удачей, которая имеет место, когда, несмотря на неадекватные основания или иные условия получения знания, не способствующие формированию истинного убеждения, субъект все же получает истинное убеждение. Принятие тезиса несовместимости знания с удачей этого вида привело к значительным модификациям популярного в современной западной эпистемологии трехчастного определения пропозиционального знания, согласно которому субъект знает, что *p*, если и только если он верит, что *p* истинно, *p* истинно, и его убеждение, что *p* истинно, обосновано. В статье разбираются основные модификации, призванные сделать знание независимым от веритической удачи, и демонстрируется их неспособность справиться с этой задачей. Автор придерживается той точки зрения, что сам тезис несовместимости знания с веритической удачей не верен. Но не все виды веритической удачи совместимы со знанием: удача этого вида совместима со знанием, считает автор, только в том случае, если она компенсирует негативный эффект от предшествующей эпистемической неудачи. Такой подход позволяет трактовать многие классические случаи влияния удачи на познание как случаи получения знаний, но при этом исключает отнесение к знаниям таких результатов, как счастливая догадка или выдавание желаемого за действительное.

Ключевые слова: знание, эпистемология, эпистемическая удача, веритическая удача, обоснование, надежность, безопасность, чувствительность к истине

KNOWLEDGE AND LUCK

Alexey Z. Chernyak –
PhD in Philosophy,
associate professor.
Peoples' Friendship
University of Russia.
6 Miklukho-Markaya St.,
117198 Moscow,
Russian Federation;
e-mail: abishot2100@yandex.ru

There is a widely shared belief in contemporary epistemology that propositional knowledge is incompatible with certain kinds of luck, most of all with so called veritic luck. A subject is veritically lucky in his or her belief that *p* if this belief is true not due to its foundations (for example, reasons which an agent has to believe that *p*) but by mere accident. The acceptance of the thesis of incompatibility of knowledge with this kind of luck led to significant modifications of a popular modern epistemological tripartite analysis of propositional knowledge according to which subject knows that *p* if and only if he or she believes that *p* is true, *p* is actually true, and an agent's belief that *p* is true is justified.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19–511–44003 «Социальное знание: вызовы современной техногенной цивилизации». The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the research project No. 19–511–44003 «Social knowledge: the challenges of modern technogenic civilization».

In his famous paper "Is True Justified Belief Knowledge" E. Gettier demonstrated that true justified belief may not be knowledge. The core of the problem is that in the cases described by Gettier and the like an agent's belief, though justified, is true by accident. This gave rise to a set of theories introducing additional conditions of knowledge which could exclude veritic luck. In this paper the author critically discusses main modifications of the tripartite concept of knowledge aimed at making it independent on veritic luck, and show that they are unable to solve this problem. He agrees with those who think that the very thesis of incompatibility of knowledge with veritic luck is wrong. But he disagrees that all kinds of veritic luck are compatible with knowledge: the author supposes that good veritic luck is compatible with knowledge only when it compensates some negative effect of antecedent bad epistemic luck. According to this view original Gettier examples are not cases of knowledge whereas broken-clocks case and fake-barns case are. This account allows treating many classic cases of dependence of knowledge on luck as cases of knowledge-acquirement, but in the same time it excludes the inclusion into the class of knowledge such intuitively irrelevant outcomes as lucky guess and wishful thinking.

Keywords: knowledge, epistemology, epistemic luck, veritic luck, justification, reliability, safety, sensitivity to truth

1. Знание фактов

Люди привыкли думать, что знают много разных фактов. Обычно знание фактов или, как его еще называют, пропозициональное знание¹, понимается как такой результат взаимодействия с реальностью, который отражает определенные свойства этой реальности в форме предложений какого-то публичного языка. Под реальностью чаще всего понимается объективная реальность, базовые свойства которой не зависят от человеческих убеждений, желаний и действий². Способны ли мы в принципе иметь такого рода знания объективной реальности? – вопрос, на который философия вряд ли когда-нибудь сможет ответить. Но вопрос о сущности пропозиционального знания

¹ Считается, что если субъект знает факт p , то он тем самым знает пропозицию, что p , т.е. некое общее содержание, которое могут иметь множество различных предложений и за счет наличия которого о них можно сказать, что они описывают один и тот же факт.

² Существуют альтернативные понятия реальности: так, некоторые философы понимают под реальностью совокупность чувственных данных, другие – модели, которые мы сами же создаем. Также и факты могут трактоваться реалистически – как фрагменты объективной реальности – или антиреалистически – как просто предложения, признанные истинными неким сообществом экспертов. Эти трактовки предполагают альтернативные понятия знания факта. Но в любом случае такое знание включает наличие соответствия между фактами и их описаниями.

не зависит от вопроса о его достижимости: это вопрос не столько о сущем, сколько о должном – какие условия должны быть выполнены, чтобы имело место знание факта?

Самое очевидное условие – наличие языкового выражения: все известные нам претенденты на роль знаний фактов могут быть выражены с помощью предложений вида «S знает, что p», где «p» есть предложение, описывающее некое положение дел. Другое условие менее очевидное – наличие субъекта. Должно ли быть знание всегда чьим-то? Иногда ведь говорят об архивах знаний и т.п., отождествляя в этом случае со знаниями просто истинные или признанные истинными предложения, хранящиеся на каком-то носителе. Но даже если мы согласны считать знаниями просто истинные предложения, нас все равно интересует вопрос о том, при каких условиях мы – люди – можем знать факты. Наличие субъекта, в свою очередь, предполагает наличие определенного отношения субъекта к предмету знания – факту: обычно считается, что знание субъектом факта включает признание им истинности пропозиции или предложения, описывающего этот факт. Чаще всего в современной эпистемологии такое признание отождествляют с определенной психической установкой, называемой убеждением или верованием: таким образом с этой точки зрения для того, чтобы субъект знал, что p, необходимо, чтобы он верил, что «p» истинно³. Наконец, еще одно существенное условие – истинность убеждения, производная от истинности пропозиции, в которой субъект убежден. Может ли быть знание ложным? С некоторыми понятиями знания это предположение совместимо: если, например, знание трактуется как достоверяемое и прошедшее процедуру удостоверения положения, то, если процедура удостоверения не инфальдильна, ее прохождение не исключает возможность ложности положения, которое его прошло. Тем не менее, поскольку пропозициональное знание понимается как отражение фактов, уместно считать, как и делает большинство эпистемологов, что оно должно быть истинным⁴.

³ Надо, однако, заметить, что не все эпистемологи согласны, что условие знания включает наличие убеждения: некоторые считают, что знание представляет собой независимую установку сознания и что для того, чтобы объяснить, что такое убеждение, уже необходимо понимать, что есть знание; см. выражение этой позиции в [Вильямсон, 2000].

⁴ Это, однако, не исключает возможности относительности таких знаний, если мы, например, допускаем, что сами факты могут быть изменчивы. Если, скажем, мы считаем, что положение дел p является фактом только в определенном историко-культурном контексте, то мы можем также считать, что убеждение или иная установка, отражающая этот факт на сознание некоего субъекта, является его знанием этого факта только в соответствующем контексте. Конечно, можно трактовать такую ситуацию и так, что знание факта имеет место независимо от контекста, но в одном контексте оно истинное, а в другом ложное. Но мне

Должно ли знание отвечать еще какому-то условию? В современной западной эпистемологии получило распространение понимание пропозиционального знания как истинного, обоснованного убеждения⁵. Согласно этому пониманию существенным условием знания является также наличие обоснования истинности соответствующего убеждения. Зачем оно нужно? Его введение связано с презумпцией, согласно которой знанием не может быть случайно истинное убеждение. Зависимость получения познавательного результата от случая называется *эпистемической* удачей субъекта такого знания – ему повезло получить знание в ситуации, где этот результат не был бы достигнут, если бы не стечение обстоятельств. Некоторые виды эпистемической удачи кажутся легко совместимыми с наличием знания: так, субъект S мог случайно взять с полки не ту книгу, что хотел, и узнать из нее интересный факт. Поскольку мы не можем контролировать все обстоятельства, которые влияют на результаты нашей познавательной деятельности, если мы все же получаем знания в ситуациях, когда неподконтрольные нам силы могли бы этому помешать, можно сказать, что нам в этих случаях везет получить эти знания⁶. Наконец, человек не мог бы получить никаких знаний, если бы ему не повезло родиться, и он не мог бы получить определенных знаний, если бы ему не повезло приобрести соответствующие компетенции⁷. Тем не менее некоторые виды эпистемической удачи согласно большинству эпистемологов должны быть исключены из процесса получения пропозициональных

кажется, что, если положение дел, описываемое пропозицией, в которой субъект убежден, не является фактом, корректнее считать, что его убеждение в истинности этой пропозиции, поскольку оно неверное, не является его знанием соответствующего факта.

⁵ См., например, [Ичикава, Стеуп, 2001]. Считается, что за этим пониманием знания стоит долгая традиция, восходящая к Платону. Однако впервые в эксплицитном виде эта концепция была сформулирована в статье Э. Геттье [Геттье, 1963], в которой она критикуется. Тем не менее многие эпистемологи легко согласились, что это и есть стандартный анализ пропозиционального знания.

⁶ Вероятно, это имел в виду Л. Витгенштейн, говоря, что знание всегда есть результат благоволения Природы [Витгенштейн, 1975: §505].

⁷ П. Унгер [Унгер, 1968] описал три типа эпистемической удачи, совместимой со знанием. Разумеется, существует точка зрения, согласно которой в мире вообще нет ничего случайного: все закономерно. Если так смотреть на вещи, то никакой эпистемической удачи или неудачи не существует. Однако принятие этой точки зрения ведет к отказу от некоторых важных презумпций, с которыми большинство философов и обычных людей не желают расставаться: убеждением, что у нас есть свободная воля, что мы способны принимать решения и выбирать стратегии поведения, что есть разница между интенциональными и неинтенциональными действиями и что за первые мы несем ответственность.

знаний. Это, прежде всего, так называемая *веритическая* удача, которая состоит в том, что субъекту повезло, что его убеждение оказалось истинным⁸.

2. Веритическая удача

Что такое удача и неудача, можно определять по-разному⁹. Кажется уместным такое определение: событие является удачным для кого-то, если: а) оно имеет для него положительное значение¹⁰ и б) в ситуации, в которой оно произошло, оно с большой вероятностью могло не произойти¹¹. Но представим себе такую ситуацию: я совершенно случайно столкнулся в чужом городе с братом-близнецом своего соседа и принял его за своего соседа. На этом основании я прихожу

⁸ Термин «веритическая удача» ввел М. Энгель [Энгель, 1992]. О несовместимости знания с удачей этого вида писал еще Б. Рассел [Рассел, 1912, с. 131]. П. Унгер отождествляет знание с не случайно истинным убеждением [Унгер, 1968, с. 158–159]. См. также [Лерер, 1990, с. 12; Притчард, 2003]. Д. Притчард [Притчард, 2005, с. 1] пишет, что почти универсальная интуиция состоит в том, что знание исключает удачу. Некоторые считают, что есть и другие виды эпистемической удачи, несовместимые со знанием, но мнение подавляющего большинства эпистемологов состоит в том, что уж веритическая удача точно несовместима со знанием.

⁹ См. разные трактовки удачи в [Решер, 1995, с. 32; Риггс, 1998; Притчард, 2005, гл. 5; Коффман, 2007].

¹⁰ Разумеется, для события иметь значение для субъекта необязательно значит, что данный субъект приписывает этому событию это значение. Оно может быть для него объективным благом.

¹¹ Если вероятность, что событие не произойдет (в соответствующей ситуации), очень низкая, то обычно считается, что, если оно происходит, выполняется определенная закономерность. Поэтому такие события не считаются случайными. Но сказать, какая именно вероятность события является минимальным условием его неслучайности, проблематично. В этой связи при желании можно считать все события, не детерминированные обстоятельствами, случайными. И все-таки это представление расходится с нашей обычной интуицией: ведь если я очень хорошо стреляю, например, это не исключает того, что я в принципе могу промахнуться мимо цели; тем не менее, когда я попадаю в цель, мы не считаем это случайностью, потому что для меня (в нормальном состоянии) попасть в цель – более вероятный результат, чем не попасть в нее. Однако следует заметить, что с неудачей дела обстоят немного иначе: мы считаем неудачей субъекта событие, имеющее для него негативное значение, даже если оно могло произойти с довольно высокой вероятностью. Если, например, я долго стою раздетым на холоде и не являюсь от природы морозоустойчивым, вероятность того, что я заболел, будет довольно высокой; если я не заболел, значит, мне повезло, но, если я все же заболел, обо мне также можно сказать, что мне не повезло, поскольку у меня все же был шанс не заболеть.

к истинному убеждению, что мой сосед находится в этом городе, потому что он тоже приехал в этот город вместе со своим братом. То, что он находится в этом городе, не является случайностью, так как он намеревался туда поехать и выполнил свое намерение. Случайностью является то, что я нахожусь в этом городе одновременно с моим соседом. Тем не менее моей эпистемической удачей является именно то, что мой сосед находится в этом городе. Тогда уместно модифицировать приведенное определение: событие является удачным для кого-то, если: а) оно имеет для него положительное значение и б) в ситуации, в которой оно произошло, оно с большой вероятностью могло не произойти, или маловероятным является совпадение данного события с другим событием, положительное значение которого для субъекта определяется данным событием.

Что касается веритической удачи, то М. Энгель определяет ее следующим образом: субъект *S* веритически удачлив в своем убеждении, что *p*, в обстоятельствах *C*, если и только если относительно оснований, которые есть у *S* верить, что *p*, ему просто повезло, что его убеждение, что *p*, истинное [Энгель, 1992, с. 67]. Это значит, что в ситуации *C* для данного субъекта существовала высокая вероятность прийти к ложному убеждению на тех основаниях, на которых он пришел к истинному убеждению. Данное определение предполагает, таким образом, что случайность истинности убеждения связана с качеством его обоснования. Это не значит, что обоснование недостаточно для того, чтобы гарантировать истинность убеждения, которое из него выводится; вполне вероятно, что у нас просто нет обоснований, которые гарантировали бы истинность. Но это значит, что с учетом специфики ситуации субъект скорее пришел бы на данном основании к ложному убеждению, чем к истинному; но в силу стечения обстоятельств ему везет прийти на этом основании в этой ситуации к истинному убеждению. Заметим также, что в приведенном определении под обоснованием имеются в виду собственные основания субъекта верить в истинность соответствующей пропозиции. Это соответствует так называемой интерналистской трактовке эпистемического обоснования. Но существует еще и экстерналистская его трактовка, согласно которой убеждение эпистемически обосновано, только если оно определенным образом связано с реальностью¹². В этой связи определение веритической удачи можно модифицировать так: субъект *S* веритически удачлив в своем убеждении, что *p*, в обстоятельствах *C*, если и только если относительно того, как это убеждение обосновано, *S* просто повезло, что его убеждение, что *p*, истинное.

Но что значит, что убеждение случайно истинно в соответствующих обстоятельствах? Одно предложение состоит в том, что убежде-

¹² См., например, экстерналистское определение обоснования в [Голдман, 1979].

ние, полученное в С на основании Е, случайно истинно в С относительно Е, если в большинстве ближайших возможных миров, в которых оно имеется и имеет те же основания, оно будет ложным в аналогичных обстоятельствах. Принято считать, что если событие маловероятно, как это бывает с теми событиями, которые мы называем стечениями обстоятельств, то в большинстве ближайших возможных миров оно не происходит (в данном месте в данное время). Если я посмотрел на сломанные часы ровно в тот момент, когда они показывают правильное время и сформировал на основании своих эмпирических данных истинное убеждение о том, сколько сейчас времени, предполагается, что в большинстве ближайших возможных миров я посмотрю на эти часы в другое время и получу ложное убеждение. Но что включает в себя ситуация, в которой я прихожу к соответствующему убеждению? Если она включает в себя время, когда я смотрю на часы, то во всех релевантных мирах я придду на имеющихся у меня основаниях к истинному убеждению в аналогичной ситуации. Тем не менее интуитивно это все же случайно истинное убеждение. Но зачем включать в ситуацию время? Допустим, ситуация в данном случае включает только сломанные часы и мое действие в отношении них (я на них смотрю). Но представим себе, что сама ситуация, в которой я получаю истинное убеждение, редка, как встреча в чужом городе брата-близнеца моего соседа, описанная выше. Поскольку сама эта встреча случайность, она будет иметь место в малом числе ближайших возможных миров – предположим, всего в двух. При этом мой сосед приехал в этот город в большинстве ближайших возможных миров, так как его приезд туда не был случайностью. Следовательно, с большой вероятностью в обоих возможных мирах, в которых я встречаю брата-близнеца моего соседа в этом городе, мой сосед также находится в этом городе; следовательно, в обоих этих мирах я прихожу на имеющихся у меня основаниях к истинному убеждению. Тем не менее интуитивно, мое убеждение случайно истинное. Таким образом, мне кажется, что более адекватным будет немодальное прочтение условия Энгеля, при котором убеждение случайно истинно относительно определенного обоснования и определенных обстоятельств, если только его истинность существенным образом зависит от факторов, не имеющих отношения к его обоснованию или способу формирования¹³.

¹³ Заметим также, что такое определение совместимо как с интерналистской, так и с экстерналистской концепциями обоснования.

3. Стандартный анализ знания и «проблема Геттэ»

Э. Геттэ в своей знаменитой статье «Is True Justified Belief Knowledge?» критикует разбираемую здесь трехчастную концепцию пропозиционального знания, показывая на примерах, что выполнения всех трех условий может быть недостаточно для знания [Геттэ, 1963]. Распространенная трактовка его вклада в дискуссию о сущности пропозиционального знания состоит в том, что он показал, что обоснованность убеждения не исключает случайности его истинности [Энгель, 1992; Притчард, 2015, с. 94]¹⁴. В примерах, которые приводит Геттэ, истинное обоснованное убеждение выводится из ложного убеждения. Но есть другие примеры, показывающие, что даже в тех случаях, когда все основания убеждения, что *p*, истинные, может быть сомнительно, что убеждение субъекта, что *p*, не случайно истинно¹⁵. Классический пример, показывающий, что все основания убеждения могут быть истинными, а оно при этом случайно истинное – ситуация с ненастоящими сараями¹⁶. Предлагается представить себе ситуацию, в которой обычный человек едет на машине по дороге в местности, где землевладельцы, чтобы казаться более богатыми, чем они есть, ставят на своей земле многочисленные муляжи сараев, которые с дороги невозможно отличить от настоящих сараев. Небольшой процент строений в этой местности является настоящими сараями, но большинство – поддельные. Водитель бросает случайный взгляд на один из сараев и формирует перцептивное убеждение, что он видит сарай; оно истинное, так как это настоящий сарай, и обоснованное, и при этом оно не основано ни на одном ложном убеждении¹⁷. Более того, оно удовлетворяет еще одному –

¹⁴ Сам Геттэ пишет, что в приведенных им примерах убеждения истинны благодаря чистому совпадению [Геттэ, 1963, с. 123]. Как Энгель, так и Притчард настаивают на том, что примеры Геттэ показывают зависимость обоснованного истинного убеждения именно от веритической удачи [Энгель, 1992, с. 69–70; Притчард, 2005, с. 148]. Конечно, если под обоснованием имеется в виду такое основание, из которого с необходимостью следует истинность обосновываемого, то обоснованное таким образом убеждение не может быть случайно истинным. Такой эффект обеспечивает только дедуктивный вывод, все посылки которого истинные. Тем не менее субъект может верить в истинность этих посылок не на тех основаниях, которые делают их истинными: таким образом, даже в случае дедуктивного основания ему можем повезти, что его вывод истинный, так как ему повезло, что его посылки (или одна из них) истинные.

¹⁵ См. [Скирмс, 1967; Фельдман, 1974, с. 68–69].

¹⁶ Описанная в [Голдман, 1976].

¹⁷ Конечно, можно возразить, что оно основано на ложном убеждении, что в данной местности строения, выглядящие как сараи, являются сараями, но фактически у субъекта может не быть этого убеждения, он может вообще не задумываться

экстерналистскому – условию знания, согласно которому субъект знает, что p , только если его истинное убеждение, что p , является каузальным следствием положения дел p [Голдман, 1967, с. 369]. Тем не менее в этом случае убеждение субъекта, что он видит сарай, только случайно истинное, так как оно оказалось бы ложным, брось он взгляд на соседнее строение, что он мог сделать с высокой вероятностью.

Считается, что интернализм не может устранить веритическую удачу. Мы можем представить себе мир, в котором полный двойник какого-то человека из нашего мира имеет те же основания, что и он, верить, что p , но это его убеждение ложное в силу того, что в этом мире человек в принципе не способен получить верное представление о соответствующем предмете. Это может относиться к любому убеждению и к любым основаниям. Но насколько можем мы быть уверены, что наш мир принципиально отличается от этого? Насколько маловероятно, что мы живем именно в таком мире? Трудно сказать. Мы в данном случае не можем вывести из наблюдений за нашей реальностью суждение о характере большинства ближайших возможных миров; поэтому не исключено, что большинство ближайших миров таковы, что в них наши двойники приходят к ложным убеждениям на тех основаниях, на которых мы приходим к истинным. А раз так, то нам просто повезло, что мы живем в мире, где наши основания позволяют нам адекватно судить об истинности и ложности наших убеждений, и, следовательно, что наши интерналистски обоснованные убеждения истинны.

Самое известное экстерналистское решение проблемы известно как релайабилizm. Согласно ему убеждение является знанием, если и только если оно истинно и получено в результате надежного когнитивного процесса, т.е. такого, что его применение в соответствующем мире дает в основном истинные убеждения в этом мире. Надежный когнитивный процесс определяется как такой, который обеспечивал получение в основном истинных убеждений (в нормальных условиях) в прошлом [Голдман, 1979, с. 96]¹⁸. Что касается эпистемического обоснования, то согласно данному подходу убеждение эпистемически обосновано, если и только если оно вызвано надежным когнитивным процессом или историей надежных процессов

над общим положением дел с сараями в данной местности, а интересоваться только данным конкретным строением.

¹⁸ В другом месте Голдман определяет надежность в модальных терминах: когнитивный процесс надежен, если он не только производит истинное убеждение в действительности, но и производил бы истинные убеждения или, по крайней мере, предотвращал бы появление ложных убеждений в релевантных контрафактических ситуациях [Голдман, 1976, с. 771]. Такое определение сближает понятие надежности с понятием безопасности (см.: [Вильямсон, 2000, с. 123]).

[Голдман, 1994, с. 309]. Надежное убеждение имеет высокую вероятность быть истинным. Следовательно, его истинность неслучайна. Но существуют примеры, показывающие, что убеждение может быть надежным и, тем не менее, случайно истинным. Один такой пример – модифицированный пример Геттье. В нем Смит верит, что у Джонса есть форд, и это его убеждение надежно, потому что он часто видел в гараже Джонса его форд Пинто и буквально накануне Джонс катал его на нем. Но он не знает, что в полдень форд Джонса был уничтожен бомбой террориста, а Джонс выиграл другой форд (форд Фалькон) в лотерею. Соответственно, в час дня Смит имеет надежное убеждение, что Джонс владеет фордом, которое, тем не менее, случайно истинно [Харпер, 1996, с. 277]¹⁹. Существует возражение, что в подобном случае метод Смита является надежным в действительности, но не является надежным в релевантных контрафактических ситуациях, а следовательно, он ненадежен в модальном смысле, потому что если террористическая атака, в которой уничтожен форд Джонса, есть легко достижимая возможность, то она относится к релевантным контрафактическим ситуациям, но в большинстве этих случаев Смит будет иметь ложное убеждение, что Джонс по-прежнему владеет фордом [де Грефте, 2017, с. 7]²⁰. Идея модальной надежности состоит в том, что для надежного в этом смысле убеждения верно, что оно не могло бы с высокой вероятностью оказаться ложным. Это значит, что в большинстве ближайших возможных миров, где это убеждение получено этим способом, оно истинное. Но это условие может выполняться, а убеждение все же может быть случайно истинным. Представим себе, что в большинстве ближайших к действительному возможным миров, в которых данное убеждение, полученное данным способом, истинно, оно истинно в силу стечения каких-то обстоятельств. В таком случае модальное условие надежности будет выполняться, но убеждение будет неслучайно истинным только в меньшинстве релевантных возможных миров, что делает вероятность его ложности довольно высокой, несмотря на модальную надежность. А раз есть высокая вероятность данному убеждению быть ложным, оно случайно истинно, несмотря на свою надежность.

Другая популярная экстерналистская теория – виртуализм. Согласно Э. Сосе убеждение эпистемически обосновано, если и только если оно является манифестацией эпистемической компетентности, состоящей в способности получать истинные убеждения [Cosa, 2015, с. 1].

¹⁹ Харпер считает на основании этого и других примеров, что все фаллибилистски обоснованные истинные убеждения включают элемент веритической удачи.

²⁰ Естественно, этот аргумент работает, только если принимается, что выигрыш в лотерею Джонсом форда Фалькон – независимое от взрыва бомбы событие и что, соответственно, не во всех мирах, в которых форд Джонса уничтожен бомбой, он выигрывает в лотерею новый форд.

С этой точки зрения субъект обладает компетентностью в получении истинных убеждений, только если его убеждения, полученные в подходящих обстоятельствах, не могут легко оказаться ложными [Cosa, 2015, с. 103]. Но убеждение может быть манифестацией компетентности субъекта и, тем не менее, быть случайно истинным. Допустим, я хорошо умею отличать собаку моих друзей от других собак; но поскольку компетентность, как и надежность, – вопрос степени, она – не гарантия от ошибок. Я иду на встречу со своими друзьями, вижу их, и впереди бежит собака, очень похожая на их собаку. На основании своей компетенции я делаю вывод, что по улице бежит собака моих друзей. Но я ошибся, моей компетенции в данном случае оказалось недостаточно: это другая собака. Тем не менее собака моих друзей тоже бежит по улице, только позади них, я ее не вижу. Таким образом, мое убеждение случайно истинное, несмотря на проявленную при его получении компетентность.

Дальнейшим шагом в решении данной проблемы стало введение специальных условий, призванных сделать знание независимым от веритической удачи. Эпистемологи предложили последовательно два таких условия: условие отслеживания истины или, иначе, чувствительности к истине и условие безопасности. Согласно первому из них S знает, что p , если и только если S верит, что p , « p » истинно и S не верил бы, что p , если бы p было ложно [Нозик, 1981, с. 179]²¹. Знание должно быть чувствительно к истинности убеждения. Обычно это условие расшифровывается в терминах возможных миров как утверждение, что S не верит, что p во всех ближайших возможных мирах, в которых « p » ложно, где ближайший к действительному мир есть мир, достижимый из действительного путем внесения какого-то минимального изменения²². Считается, что при такой расшифровке это условие позволяет решить проблему скептицизма, потому что миры, в которых картезианский демон может нас обманывать или в которых мы являемся мозгами в бочках, не принадлежат к множеству ближайших возможных миров²³. Но сама чувствительность убеждения к истине может быть случайной. Так же точно в большинстве ближайших возможных миров может иметь место совпадение: я верю что p , и p , – и тем не менее, в большинстве из этих миров это может быть результатом какой-то случайности²⁴. В этом

²¹ Разумеется, есть и другие формулировки этого условия; см., например: [Дретске, 1971].

²² См., в частности: [Хирвела, 2018, с. 7].

²³ См., в частности: [Хирвела, 2018, с. 8].

²⁴ Эти случайности могут быть разными, поэтому такую возможность нельзя исключить на том основании, что если некое событие происходит в большом числе ближайших возможных миров, оно имеет высокую вероятность произойти в действительности, а стало быть, не является случайностью.

случае, очевидно, фактическая чувствительность убеждения к истине будет случайностью, а это позволяет говорить и о том, что оно в таком случае все же случайно истинное, так как легко могло бы быть ложным²⁵.

Что касается второго условия, то оно прямо формулируется как условие неслучайной истинности истинного обоснованного убеждения, расшифровываемой в модальных терминах. Но есть две его версии: сильное и слабое условие безопасности. Согласно первому истинное убеждение субъекта S , что p , безопасно, если и только если оно истинно во всех близких возможных мирах, в которых это убеждение сформировано тем же способом, что и в действительности [Притчард, 2005, с. 163]²⁶. Согласно второму истинное убеждение субъекта S , что p , безопасно, если и только если субъект не может легко обмануться в отношении пропозиции, что p , т.е. если в подавляющем большинстве близких возможных миров, в которых он верит, что p , p истинно [Греко, 2003, с. 263; Соса, 1999]. И все же точно так же можно заметить, что безопасность убеждения может быть случайностью, а не закономерностью. Аргумент здесь точно такой же, что и в предыдущем случае. Допустим, мое истинное убеждение, что p , безопасно в сильном смысле, т.е. истинно в каждом ближайшем возможном мире w , в котором я его имею на тех же основаниях, что и в действительности. Но может быть так, что в большинстве этих миров оно случайно истинно, следовательно, небезопасно. Тогда опять-таки можно сказать, что данное убеждение случайно безопасно в действительности, так как легко могло бы быть небезопасным. А раз так, то оно случайно истинно, так как, будучи лишь случайно безопасным, легко могло бы быть ложным²⁷.

4. Веритическая удача, совместимая со знанием

Таким образом, есть веские основания считать, что веритическая удача неустранима никаким существующим условием знания. Однако есть мнение, что несовместимость веритической удачи со знанием

²⁵ Условие отслеживания истинности также критикуют за то, что оно нарушает принцип дедуктивной замкнутости [Энгель, 2011], и за то, что оно плохо совместимо с существованием индуктивного знания [Притчард, 2015, с. 100]. Утверждается, кроме того, что оно не является необходимым для знания [Вогель, 1999]. См. также критику этого условия в [Соса, 1999, с. 142–145].

²⁶ Другие формулировки см. в [Сэйнсбери, 1997; Соса, 1999; Вильямсон, 2000].

²⁷ Другой пример, показывающий, что безопасное убеждение может быть случайно истинным, см. в [Хиллер, Нета, 2007]. Также см. критику условия безопасности в [Бауман, 2008].

не угрожает самой возможности знания, так как знание, по крайней мере, возможно во всех тех случаях, когда обоснованное убеждение неслучайно истинно [Энгель, 2011]. Но проблема в том, что в определенном смысле все наши истинные убеждения случайно истинны, так как легко могли бы быть ложными, если определенная вероятность может быть приписана скептической гипотезе вроде гипотезы картезианского демона. Мы вряд ли можем, исследуя наш мир, оценить, насколько такой сценарий вероятен и, следовательно, в каком числе ближайших возможных миров эта гипотеза реализована. Но если большинство ближайших возможных миров могли бы быть мирами с картезианским демоном, что кажется вполне возможным, то наши истинные убеждения легко могли бы быть ложными, так как наш мир в этом случае легко мог бы быть миром с демоном. Поэтому скептический вывод кажется мне неизбежным. Следовательно, единственный путь для того, кто принимает тезис знания или хотя бы тезис, согласно которому мы можем что-то знать, – отказаться от несовместимости веритической удачи со знанием.

Почему, в самом деле, возможные события должны диктовать значения действительных событий? Допустим, я рублю дерево топором, допустим также, что некий демон, имеющий власть над нашим миром, затупил все инструменты в моем доме так, что я этого не заметил, но случайно пропустил топор. Во всех возможных мирах он, допустим, затупил топор среди прочих инструментов, так что во всех этих мирах у меня не получается срубить дерево этим топором. Но разве это изменит результат, который я получаю в действительности, где я срублю дерево своим топором? То, что я срубил дерево топором, потому что он остался острым в действительном мире, останется интуитивно неоспоримым результатом, несмотря на то, что во всех ближайших возможных мирах этот результат не достигнут, потому что в них мой топор тупой. Но чем такой результат, как знание, хуже?

Некоторые эпистемологи, хотя они и в явном меньшинстве, считают, что даже оригинальные примеры Геттье суть случаи знания [Хетерингтон, 2005]²⁸. Я согласен с этим лишь отчасти. На мой взгляд, не всякая веритическая удача совместима со знанием. Удача, совместимая со знанием, обычно играет определенную роль, а именно компенсирует эффект предшествующей эпистемической неудачи. Так, в ситуации с топором моя неудача состоит во вмешательстве демона, в силу которого я не смог бы получить желаемый результат (срубить дерево), если бы не другая случайность, которая компенси-

²⁸ Хетерингтон – один из немногих, кто считает, что знание совместимо с веритической удачей: согласно ему знание удачно, если знающий субъект легко мог бы не получить этого знания. Но то, что он мог бы легко его не получить, не делает его не знающим то, что он знает, фактически [Хетерингтон, 1998, с. 463].

рует эффект предыдущей неудачи тем, что обеспечивает достижение нужного результата. Точно так же, если мне не повезло посмотреть на сломанные часы, чтобы узнать текущее время, это должно было бы помешать мне узнать текущее время, но моя удача состоит в том, что я посмотрел на эти часы вовремя и, таким образом, узнал текущее время²⁹. Есть мнение, что все так называемые примеры Геттье (собственно примеры Геттье и те сценарии, которые могут быть придуманы в стиле Геттье) как раз являются случаями неудачи, компенсируемой последующей удачей [Загжебски, 1994, с. 69]. Но я с этим не согласен. В оригинальном примере Геттье обоснованное убеждение Смита, что Джонс владеет фордом, ложное, а его необоснованное убеждение, что Браун в Барселоне, истинное, вследствие чего убеждение, которое он выводит из этих двух – что Джонс владеет фордом или Браун в Барселоне, – истинно. Его истинность есть следствие случайной истинности второго убеждения. Но эта истинность не устраняет эффект от ложности первого убеждения и, таким образом, не предохраняет субъекта от того, чтобы эта ложность сказалась на результате. Для Смита эпистемическое значение его убеждения, что Джонс владеет фордом, вследствие его эпистемической удачи, не изменилось, но именно оно определяет эпистемическое значение результирующего убеждения Смита, что Джонс владеет фордом или Браун в Барселоне, с точки зрения самого Смита³⁰.

В примере с ненастоящими сараями дело, однако, обстоит иначе: здесь эпистемическая неудача субъекта состоит в том, что он оказался в таких условиях наблюдения сараев, которые делают в целом надежный метод их идентификации ненадежным. Но эта эпистемическая неудача компенсирована тем, что субъект случайно посмотрел на редкий в этих местах целый сарай. Применение использованного метода идентификации в нормальных условиях привело бы к получению знания. Удача субъекта просто не дает постигшей его неудаче повлиять на этот процесс³¹.

²⁹ Пример с часами приводит Б. Рассел как именно пример отсутствия знания: [Рассел, 1948, с. 98].

³⁰ Аналогичной точки зрения на оригинальные примеры Геттье придерживается П. Бауман [Бауман, 2014] – еще один из тех немногих, кто полагает, что знание совместимо с веритической удачей. Но он считает, что и в примере со сломанными часами субъект не знает, сколько сейчас времени. Я придерживаюсь противоположного мнения.

³¹ Этот вывод, между прочим, соответствует эмпирическим данным, полученным экспериментальными психологами, согласно которым в подобных ситуациях (когда есть угроза истинности убеждения, но она не выполняется) люди значительно чаще склонны приписывать наличие знания, чем его отсутствие (см. [Турри, Бакуолтер, Блоу, 2015, с. 381]). То же самое относится к примерам, в которых происходит незаметная для агента подмена объекта, наблюдение которого является основанием для его вывода, что имеет место то-то и то-то, на аналогичный

Существует различие между двумя типами случаев эпистемической удачи: теми, в которых за удачу отвечают обстоятельства формирования убеждения, и теми, в которых за нее отвечают привходящие обстоятельства [Притчард, 2009, гл. 3–4]. Есть мнение, что утверждение, что субъект такого убеждения не знает то, в чем он убежден, имеет более слабую интуитивную поддержку применительно к случаям первого вида, чем применительно к случаям второго [Притчард, 2015, с. 105]. Ситуация с муляжами сараев как раз относится к случаям первого вида, и некоторые эпистемологи склонны приписывать знание в подобных ситуациях на том основании, что в них выполняются условия зависимости эпистемического успеха от когнитивных способностей субъекта³². Но эпистемологи, отрицающие совместимость знания с веритической удачей, трактуют подобные ситуации как случаи отсутствия знания именно в силу влияния на них веритической удачи. Я полагаю, что они не правы, но не правы не потому, что в этих ситуациях эпистемический успех является следствием когнитивных способностей субъекта; ведь в этом случае влияние веритической удачи на результат не было бы решающим, каковым оно фактически является. На мой взгляд, они не правы потому что это случаи, когда веритическая удача компенсирует предшествующую эпистемическую неудачу, создающую повышенный риск получения ложного убеждение вместо истинного.

Заметим, что условие зависимости знания от веритической удачи, на котором я здесь настаиваю, исключает необходимость признавать знаниями результаты простого угадывания или выдавания желаемого за действительное. Субъект может решить получить ответ на вопрос «р или -р?» путем угадывания и может угадать правильный ответ. Но в этом случае его удача не компенсирует никакую эпистемическую неудачу: субъект предварительно не был поставлен

(не отличимый для агента): см. описание такого примера в [Старманс, Фридман, 2012, с. 276]. В этих случаях также неудача, состоящая в том, что исходный объект устранен из ситуации и больше не может быть тем, что делает убеждение истинным, компенсирована удачей, состоящей в том, что такой же объект, внедренный в ситуацию, делает это убеждение истинным. Согласно психологическим экспериментам большая часть опрошенных также считает, что в этих случаях субъект знает то, в чем он убежден [Турри, Бакуолтер, Блоу, 2015, с. 382–383]. Разумеется, эти эмпирические результаты можно трактовать и так, что в случаях, в которых испытуемые приписывают знание, они приписывают его потому, что считают, что соответствующее убеждение истинно не благодаря удаче. Так что эти данные, наверное, нельзя считать самостоятельным аргументом в пользу верности моей трактовки подобных случаев. К тому же, согласно тем же данным, гораздо меньше людей склонны считать знаниями убеждения, истинные благодаря тому, что объект, который послужил источником этого убеждения, заменен на аналогичный [там же, с. 387].

³² Такой точки зрения придерживается, например, Э. Соса [Соса, 2007, гл. 5].

в условия, в которых его иначе надежные способы получения знаний о соответствующих вещах теряли бы свою надежность или обоснование было бы опровергнуто. Так же точно, когда субъект принимает убеждение, что p , потому что хочет, чтобы было p , и « p » оказывается истинным, эта удача не компенсирует никакую эпистемическую неудачу, потому что субъект сознательно выбрал неадекватный метод получения знания, а не какое-то стечение обстоятельств сделало его метод неадекватным³³. Поэтому в этих случаях мы по-прежнему можем говорить, что субъект таких убеждений не знает то, во что он истинно верит, но не потому что его убеждения нечувствительны к истине или небезопасны, а потому что его эпистемическая удача не обладает соответствующим компенсирующим эффектом.

Тем не менее я полагаю, что в некоторых ситуациях субъект, который путем счастливой догадки пришел к истинному убеждению, может знать то, в чем он убежден. Представим себе человека, который девять раз из десяти выбрасывает монетку орлом вверх, играя в орлянку: если он каждый раз ставит на орла, то мы, не колеблясь, скажем, что ему везет, что он удачлив и т.п. Что это значит? В подобной ситуации эта характеристика подразумевает не что каждый раз субъект случайно получает то, на что рассчитывает, а скорее – что есть какие-то скрытые факторы, в силу действия которых данный субъект систематически получает результаты, в которых он заинтересован. Разовая удача это одно, систематическое везение – другое; оно может не сводиться к сумме случайностей. Субъект может, соответственно, быть везучим в отношении угадывания, т.е. процент успешных угадываний, которые он осуществляет, может быть очень высок. Более того, он может это знать и именно в силу этого использовать угадывание как метод познания. Я считаю, что вполне корректно будет сказать, что если 1) субъекту S везет верно угадывать в мире w в ситуации C , 2) S угадывает, что p , в мире w в ситуации C , т.е. « p » истинно в мире w , и 3) S прибег к угадыванию, потому что знал, что ему с этим везет и что, соответственно, в ситуации C это для него эффективный метод установления истины, то S знает, что p в мире w , независимо от того, что его метод может быть эпистемически рискованным, т.е. что в большинстве ближайших возможных миров он может не угадать, что p , в ситуации C , потому что он не является таким везучим в этих мирах, как в мире w .

³³ Он, конечно, может считать этот метод адекватным. Но он сознательно выбирает метод, который является фактически неадекватным.

Список литературы / References

- Бауман, 2008 – Baumann, P. “Is Knowledge Safe?”, *American Philosophical Quarterly*, 2008, vol. 45, pp. 19–31.
- Бауман, 2014 – Baumann, P. “No Luck with Knowledge? On a Dogma of Epistemology”, *Philosophy and Phenomenological Research*, 2014, vol. 89, pp. 523–551.
- Коффман, 2007 – Coffman, E.J. “Thinking about Luck”, *Synthese*, 2007, vol. 158, pp. 385–398
- Дретске, 1971 – Dretske, F. “Conclusive Reasons”, *Australasian Journal of Philosophy*, 1971, vol. 49, pp. 1–22.
- Энгель, 1992 – Engel, M. “Is Epistemic Luck Compatible with Knowledge?”, *Southern Journal of Philosophy*, 1992, vol. 30, pp. 59–75.
- Энгель, 2011 – Engel, M. “Epistemic Luck”, *Internet Encyclopedia of Philosophy*, 2011 [<https://www.iep.utm.edu/epi-luck/>, accessed on 12.08.2019].
- Фельдман, 1974 – Feldman, R. “An Alleged Defect in Gettier Counterexamples”, *Australasian Journal of Philosophy*, 1974, vol. 52, pp. 68–69.
- Геттье, 1963 – Gettier, E. “Is Justified True Belief Knowledge?”, *Analysis*, 1963, vol. 23, pp. 121–123;
- Голдман, 1967 – Goldman, A. “A Causal Theory of Knowing”, *The Journal of Philosophy*, 1967, vol. 64, pp. 355–372.
- Голдман, 1976 – Goldman, A. “Discrimination and Perceptual Knowledge”, *Journal of Philosophy*, 1976, vol. 73, pp. 771–791.
- Голдман, 1979 – Goldman, A. “What is Justified Belief?”, in: Pappas G. (ed.). *Justification and Knowledge*. Dordrecht, Holland: D. Reidel Publishing Company, 1979, pp. 1–23.
- Голдман, 1994 – Goldman, A. “Naturalistic Epistemology and Reliabilism”, *Midwest Studies in Philosophy*, 1994, vol. 19, pp. 301–320.
- Греко, 2003 – Greco, J. “Virtue and Luck, Epistemic and Otherwise”, *Metaphilosophy*, 2003, vol. 34, pp. 353–366.
- де Грефте, 2017 – de Grefte, J. “Epistemic Justification and Epistemic Luck”, *Synthese*, 2017, vol. 9, pp. 3821–3836.
- Харпер, 1996 – Harper, W. “Knowledge and Luck”, *Southern Journal of Philosophy*, 1996, vol. 34, pp. 273–283.
- Хетерингтон, 1998 – Hetherington, S. “Actually Knowing”, *The Philosophical Quarterly*, 1998, vol. 48, pp. 453–469.
- Хетерингтон, 2005 – Hetherington, S. “Gettier Problems”, *Internet Encyclopedia of Philosophy*, 2005 [<https://www.iep.utm.edu/gettier/>, accessed on 08.08.2019].
- Хиллер, Нета, 2007 – Hiller, A., Neta, R. “Safety and Epistemic Luck”, *Synthese*, 2007, vol. 158, pp. 303–313.
- Хирвела, 2018 – Hirvelä, J. *Essays on Modalized Epistemology*. University of Helsinki, Academic dissertation, 2018.
- Ичикава, Креуп, 2001 – Ichikawa, J., Steup, M. “The Analysis of Knowledge”, *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2001 [<https://plato.stanford.edu/entries/knowledge-analysis/>, accessed on 25.07.2019]
- Лерер, 1990 – Lehrer, K. *Theory of Knowledge*. Boulder, CO: Westview Press, 1990, 228 pp.

Нозик, 1981 – Nozick, R. “Knowledge and Skepticism”, in: *Philosophical Explanations*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981, pp. 172–196.

Притчард, 2003 – Pritchard, D. “Virtue Epistemology and Epistemic Luck”, *Metaphilosophy*, 2003, vol. 34, pp. 106–130.

Притчард, 2005 – Pritchard, D. *Epistemic Luck*. New York: Oxford University Press, 2005, 222 pp.

Притчард, 2009 – Pritchard, D. *Knowledge*. London: Palgrave Macmillan, 2009, 161 pp.

Притчард, 2015 – Pritchard, D. “Anti-Luck Epistemology and the Gettier Problem”, *Philosophical Studies*, 2015, vol. 172, pp. 93–111.

Решер, 1995 – Rescher, N. *Luck. The Brilliant Radnomness of Everyday Life*. New York: Farrar Straus Giroux, 1995, 250 pp.

Риггс, 1998 – Riggs, W. “What Are the ‘Chances’ of Being Justified?”, *Monist*, 1998, vol. 81, pp. 453–472.

Рассел, 1912 – Russell, B. *The Problems of Philosophy*. Oxford: Oxford University Press, 1912, 272 pp.

Рассел, 1948 – Russell B. *Human Knowledge: Its Scope and Limits*. New York: Simon and Schuster, 1948, 480 pp.

Сэйнсбери, 1997 – Sainsbury R. “Easy Possibilities”, *Philosophy and Phenomenological Research*, 1997, vol. 57, pp. 907–919.

Скирмс, 1967 – Skyrms, B. “The Explication of ‘X Knows That p’”, *Journal of Philosophy*, 1967, vol. 64, pp. 373–389.

Соса, 1999 – Sosa, E. “How to Defeat Opposition to Moore”, *Philosophical Perspectives*, 1999, vol. 13, Epistemology, pp. 141–154.

Соса, 2007 – Sosa, E. *A Virtue Epistemology: Apt Belief and Reflective Knowledge*. Oxford: Oxford University Press, 2007, 168 pp.

Соса, 2015 – Sosa, E. *Judgment and Agency*. Oxford: Oxford University Press, 2015, 288 pp.

Старманс, Фридман, 2012 – Starmans, C., Friedman, O. “The Folk Conception of Knowledge”, *Cognition*, 2012, vol. 124, pp. 272–283.

Турри, Бакуолтер, Блоу, 2015 – Turri, J., Buckwalter, W., Blouw, P. “Knowledge and Luck”, *Psychon Bull Rev*, 2015, vol. 22, pp. 378–390.

Унгер, 1968 – Unger, P. “An Analysis of Factual Knowledge”, *Journal of Philosophy*, 1968, vol. 65, pp. 157–170.

Вогель, 1999 – Vogel, J. “The New Relevant Alternatives Theory”, *Philosophical Perspectives*, 1999, vol. 13, Epistemology, pp. 155–180.

Вильямсон, 2000 – Williamson, T. *Knowledge and its Limits*. Oxford: Oxford University Press, 2000, 352 pp.

Витгенштейн, 1975 – Wittgenstein, L.; Anscombe, G., Wright, G.H.V. (eds.). *On Certainty*. Malden, MA: Blackwell, 1975.

Загжебски, 1994 – Zagzebski, L. “The Inescapability of Gettier Problems”, *Philosophical Quarterly*, 1994, vol. 44, pp. 65–73.